

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

В.Е. КРАСНОДЕМБСКИЙ

Ведда

Предисловие и публикация

Е.В. Таноновой¹

Аннотация: Валерий Евгеньевич Краснодембский (1907–1942) — талантливый ученый-индолог, первый в нашей стране специалист по языку маратхи, погиб весной 1942 г. от последствий пережитой в Ленинграде блокадной зимы уже на пути в эвакуацию. Публикуемая статья В.Е. Краснодембского представляет собой одно из первых доступных русскоязычному читателю описаний племени ведда, автохтонного населения о-ва Цейлон. Эту работу В.Е. Краснодембский готовил к изданию в двухтомнике «Очерки по этнографии народов зарубежных стран» в середине 30-х годов, но по неизвестным причинам она осталась неопубликованной. Статья, набранная на печатной машинке, с рукописными пометами автора, хранится в личном фонде В.Е. Краснодембского в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 92. Оп. 1, ед. хр. 4).

Ключевые слова: В.Е. Краснодембский, изучение маратхи в России, первый словарь языка маратхи, ведда, Цейлон.

Валерий Евгеньевич Краснодембский родился 2 (15) декабря 1907 г. в Кагуле Бессарабской губернии. Отец, Евгений Георгиевич Краснодембский (1883–1943), происходил из обедневшего польского шляхетского рода. Семейное предание гласит, что Евгений Георгиевич, молодцеватый красавец, выиграл пари, что женится на Елене Степановне Стояновой (1889–1943), невесте с солидным приданым, брак с которой можно было считать большой удачей для потомка разорившегося дворянского рода. В семье безоговорочное главенство принадлежало мужу, пользовавшемуся беспрекословным обожанием своей жены. Мяг-

¹ Выражаю искреннюю благодарность д.и.н., в.н.с. МАЭ Нине Георгиевне Краснодембской за помощь в подготовке публикации.

кий, спокойный, «домашний» характер Елены Степановны прекрасно дополнял и уравнивал вспыльчивый, задиристый и временами заносчивый нрав супруга. В этом браке помимо Валерия Евгеньевича родился еще один сын, Георгий Евгеньевич (1913–1962). В 1905 г. глава семейства окончил Юридический факультет Одесского (Новороссийского) университета. Сначала семья проживала по месту службы Евгения Георгиевича в форте Александровский (Закаспийская обл. Туркестанского генерал-губернаторства), а затем переехала в г. Андижан (Ферганская обл. того же генерал-губернаторства). Во время Первой мировой войны Евгений Георгиевич был призван в армию, получил тяжелое ранение в ногу, чреватое ампутацией, но стараниями преданной жены, которая нашла знающего врача-костоправа, ногу удалось сохранить. На память об этом ранении осталась небольшая хромота.

В Андижане прошло детство братьев Краснодарских. Они росли среди образованных людей, семья пользовалась в городе большим уважением. Отец преподавал русский язык и литературу в школе № 2, где учились оба его сына. Братья сильно различались и характером, и внешностью. Старший брат, яркий брюнет со жгучими черными глазами, пошел в мать Елену Степановну, болгарку по национальности, светловолосый Георгий унаследовал фенотип отца-поляка. В отличие от живого и бойкого Георгия, любимца отца, старший Валерий был спокойным ребенком, равнодушным к мальчишеским шалостям, которым он предпочитал уединенное, вдумчивое общение с книгой. С раннего детства он проявлял большие способности к языкам и к окончанию в 1925 г. девятилетней школы без труда овладел несколькими языками, среди которых были узбекский и персидский. Видимо, интерес к языкам стал определяющим в выборе профессии. Валерий Евгеньевич решает ехать учиться языкам не куда-нибудь поближе к отчему дому, в Ташкент или Одессу, а в Ленинград, культурный центр страны, где у семьи не было никаких знакомых. В 1926 г. Валерий Евгеньевич поступает в ЛВИ им. Енукидзе на индийское отделение, где приступает к изучению языков маратхи, хинди и урду.

В университетах и Академии наук дореволюционной России разговорные языки Индии почти не изучались, и в центре научных интересов была санскритология. Со времени открытия Факультета восточных языков в Петербургском университете в 1855 г. ведущие ученые-индологи К.А. Коссович и И.П. Минаев ратовали за введение в учебную программу преподавания живых индийских языков, прежде всего

хиндустани, но их усилия были тщетны². Лишь после Октябрьской революции в программу некоторых учебных учреждений Ленинграда были включены новоиндийские языки, в частности Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), где преподавали видные востоковеды: индологи С.Ф. Ольденбург, А.П. Баранников, тибетолог-санскритолог А.И. Востриков, иранист Е.Э. Бертельс, тюрколог А.Н. Самойлович, монголовед В.А. Казакевич, китаевед В.М. Алексеев, японист Н.И. Конрад, маньчжуровед П.И. Воробьев и др.

Заслуга организации изучения новых индоарийских языков в Ленинграде принадлежит профессору Алексею Петровичу Баранникову (1890–1952), который преподавал в ЛИЖВЯ в 1921–1936 гг. и заведовал кафедрой индийской филологии ЛГУ в 1922–1952 гг. А.П. Баранников воспитал плеяду блестящих учеников, к которым, наряду с В.М. Бескровным (1908–1978), А.С. Зиминным (1880–1942) и М.Н. Сотниковым, также учившимися в ЛИЖВЯ, принадлежал В.Е. Краснодембский.

Во время учебы в ЛВИ (ЛИЖВЯ) Валерий Евгеньевич снимал 16-метровую комнату в 4-комнатной квартире по адресу ул. Б. Разночинная, д. 19-б, кв. 39. Эта квартира, а точнее, две ее комнаты, стала ленинградским адресом всей семьи Краснодембских вплоть до начала 60-х гг. Сначала, в 1930 г., после окончания школы к старшему брату приехал Георгий, который хотел поступить на филологический факультет ЛГУ. Но в ту пору преимущественным правом поступления в вузы пользовалась рабоче-крестьянская молодежь, и Георгию Евгеньевичу, потомку дворянской фамилии, дорога в университет была закрыта. Он пошел учиться на инженерные курсы и всю жизнь проработал инженером-путейцем сначала в Желдорпроекте, а потом в Ленгипротрансе. Затем последовал переезд матери, пожелавшей навестить сыновей и помочь им обустроить свой быт. Во время своего пребывания в Ленинграде Елена Степановна получила от мужа письмо, из которого следовало, что он полюбил другую женщину, гораздо моложе себя, и желает соединить с нею жизнь. Это письмо стало для Елены Степановны, горячо любившей мужа, большим ударом. Впоследствии Евгений Георгиевич продал имущество в Андижане и уехал с молодой женой в неизвестном направлении. Родственники навсегда утратили с ним связь и более не имели никаких сведений о его судьбе. Лишь десятилетия спустя после окончания войны стало известно, что Евгений

² Подробнее об истории становления новоиндийской филологии в России XIX в. см.: Бескровный В.М. Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке // Вестник Ленинградского университета. 1957, № 8. С. 37–50.

Георгиевич скончался в 1943 г. и был похоронен в г. Джамбуле. Елена Степановна, по свидетельству родственников, всю жизнь продолжала любить мужа и с трепетом ожидала от него хоть какой-то весточки.

После окончания курса в 1930 г. по специальности «индолог-лингвист Валерий Евгеньевич был направлен на работу в Узбекистан на рабочий факультет³ при Туркестанском государственном университете. Узбекский рабфак открылся одновременно с ТГУ в 1920 г. В этот период рабфак имел особое положение среди других семи факультетов университета, поскольку являлся учебно-вспомогательным учреждением, готовившим в высшую школу трудящуюся молодежь Узбекистана. Валерий Евгеньевич работал на рабфаке Первого Среднеазиатского Государственного университета (переименован в 1923 г.) в мае–августе 1930 г.

В октябре 1930 г. молодой специалист был призван на военную службу в Красную Армию в команду одногодичников-курсантов. После увольнения в запас в октябре 1931 г. он вернулся в Ленинград, где в ноябре 1931 — мае 1932 г. служил помощником ученого секретаря Института языка и мышления АН.

17 августа 1932 г. В.Е. Краснодембского приняли на работу в ЛВИ, сначала на должность каталогизатора индийского и афганского отделов библиотеки, а 21 ноября 1932 г. он стал ассистентом института, преподавателем языков маратхи и хиндустани. 20 августа 1935 г. квалификационная комиссия утвердила В.Е. Краснодембского в должности доцента кафедры индийских языков ЛВИ, предложив ему представить к июлю 1936 г. диссертацию на степень кандидата наук.

Валерий Евгеньевич стоял у истоков преподавания маратхи в нашей стране. Хотя первый в России очерк грамматики этого языка опубликовал профессор Московского университета П.Я. Петров (1814–1875), полноценное исследование и преподавание маратхи началось только в ходе получившего широкий размах изучения новых индоарийских языков под началом проф. А.П. Баранникова. Алексей Петрович был преподавателем маратхи в ЛВИ у В.Е. Краснодембского, но главной его специализацией был язык хинди (хиндустани) и его диалекты. В условиях малой изученности новоиндийских языков требовалось создать начальные пособия, грамматические очерки и

³ Рабочий факультет, или рабфак, — специальные курсы для рабоче-крестьянской молодежи, желавшей получить высшее образование, но не обладавшей достаточным для этого уровнем общеобразовательной подготовки. В соответствии с постановлением Наркомата просвещения от 11 сентября 1919 г. «Об организации рабочих факультетов», такие курсы в 1920-х — середине 1930-х гг. готовили рабочих и крестьян в вузы.

словари по основным языкам (хинди, бенгали, маратхи). Выполняя это указание своего наставника, Валерий Евгеньевич проявил большой интерес к лингвистике, к которой тяготел до конца жизни. За годы работы в Институте (ЛВИ был упразднен 1 июля 1938 г.) он издал «Маратско-русский и русско-маратский словарь»⁴, первый подобный словарь языка маратхи. Издание имело целью дать студентам начальных курсов знание основных общественно-политических и бытовых терминов, позволяющих понимать простые тексты. Валерий Евгеньевич принял большое участие и в работе над изданием первого учебника языка маратхи (Л., 1934–1935), вышедшего под редакцией А.П. Баранникова.

В 1933 г. В.Е. Краснодембский поступил на работу по совместительству в Институт антропологии и этнографии АН (ИАЭ АН)⁵. 15 декабря его зачислили научным сотрудником 2-го разряда в Кабинет Индии, Индонезии и Дальнего Востока, которым заведовал В.А. Чаттопадхья (1880–1937)⁶, а с 1 марта 1934 г. перевели в категорию научных сотрудников 1-го разряда. В институте в этот период разрабатывались темы, связанные с этнографией Индии, первобытными верованиями, народными формами религий, театром, семьей и браком, а также с проблематикой малых народов и племен⁷. Это было время изоляции отечественных ученых, оторванных от европейского научного сообщества и лишенных возможности полевых исследований изучаемых народов. В ИАЭ Валерий Евгеньевич изучает музейные коллекции, связанные с Индией, и водит экскурсии по музею. Работая в институте и занимаясь кабинетной этнографией, В.Е. Краснодембский увлекается изучением племен индийского ареала и решает приступить к написанию кандидатской диссертации по профильной для ИАЭ теме «Социальная структура племен мунда (разложение родового строя)». В рамках данной темы ученый подготовил две боль-

⁴ Краснодембский В.Е. Маратско-русский и русско-маратский словарь. Л.: Ленинградский восточный институт им. Енукидзе, 1935.

⁵ Институт антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР был создан в 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и стал исследовательским учреждением в составе МАЭ.

⁶ Чаттопадхья, Вирендрнат Агарнатович — советский индолог индийского происхождения. Помимо этнографии Индии занимался преподаванием индийских языков (урду, хинди, телугу) в ЛВИ и ЛГУ. Арестован летом 1937 г., 2 сентября 1937 г. приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день.

⁷ Подробнее о развитии этнографической индологии см.: Краснодембская Н.Г. Этнографическая индология в Петербурге // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Санкт-Петербург). М., 2000. С. 48–62.

шие статьи «Термины родства у племен мунда» и «Брак и семья у племен мунда», а также очерки о племенах кхаси и ведда. Статьи планировалось опубликовать в двухтомнике «Очерки по этнографии народов зарубежных стран». В АВ ИВР РАН сохранились протоколы заседаний редакционной коллегии под председательством Д.А. Ольдерогге⁸, на которых обсуждались эти работы Валерия Евгеньевича. По неизвестным причинам их публикация так и не состоялась. Предполагалось, что статьи в переработанном виде станут главами диссертации. Это были первые большие работы на русском языке по этнографии австроазиатских племен мунда.

Научным куратором Валерия Евгеньевича стал В.А. Чаттопадхьяя, который, оценивая работу своего подопечного, писал в октябре 1936 г.: «С дальнейшим усвоением теоретических вопросов этнографии и литературы по Индии он, несомненно, сможет стать ценным специалистом в своей области <...>. Он имеет очень хорошее знание языков хиндустани, маратхи, английского и персидского и, кроме того, читает по-немецки и по-французски»⁹.

В 1934 г. учитель Валерия Евгеньевича А.П. Баранников приглашает его преподавать маратхи и хинди, а также историю и географию Индии на историко-филологическом факультете ЛГУ¹⁰. В 1937 г. А.П. Баранников, который в тот период также заведовал Новоиндийским кабинетом¹¹ ИВ АН, считая, что призвание его ученика отнюдь не этнография, выступает с предложением о переводе В.Е. Краснодарского из ИАЭ в штат сотрудников ИВ АН. В заявлении по этому поводу А.П. Баранников, в частности, писал: «К сожалению, в Новоиндийском кабинете до сих пор не представлен маратский язык и его литература, которые представляют глубокий научный интерес и имеют большое политическое значение <...>. В силу этого считаю в высшей степени целесообразным привлечь к работе в Новоиндийском кабинете для работы над русско-маратским словарем доц[ен-

⁸ Ольдерогге, Дмитрий Алексеевич (1903–1987) — один из основателей отечественной африканистики, этнограф, историк и лингвист. Заведовал отделом этнографии Африки в МАЭ РАН, с 1945 г. возглавлял кафедру африканистики в ЛГУ.

⁹ Решетов А. М. Отдание долга // Этнографическое обозрение, № 2. М., 1995. С. 40–62.

¹⁰ В 1919 г. Восточный факультет Петроградского университета был расформирован, и востоковедные дисциплины преподавались на исторических и филологических отделениях университета вплоть до воссоздания Восточного факультета в 1944 г.

¹¹ Новоиндийский кабинет был выделен А.П. Баранниковым из Индо-тибетского кабинета ИВ, руководимого Ф.И. Щербатским, в конце 1936 г. Сделано это было для оживления работы в области новоиндийской филологии. В результате Индо-тибетский кабинет в 1937 г. был расформирован.

та] В.Е. Краснодембского, который в настоящее время состоит научным сотрудником в МАЭ. В МАЭ В.Е. Краснодембский изолирован от индологической среды и работает в области этнографии. Привлечение его в состав сотрудников Новоиндийского кабинета весьма полезно не только для Кабинета, но и для самого В.Е. Краснодембского, так как таким образом открываются большие перспективы для его научного роста»¹². В научной характеристике Краснодембского проф. Баранников дает высокую оценку своему протезе: «Прекрасная подготовка В.Е. Краснодембского, его большая эрудиция в разных областях индологии и прекрасное знание языков, как восточных (маратский, урду, хинди, персидский, санскрит), так и западных (английский, французский), ставят В.Е. Краснодембского в разряд ценных и весьма талантливых молодых ученых»¹³.

Предложение А.П. Баранникова поддержал директор ИВ, академик В.В. Струве. 1 ноября 1937 г. В.Е. Краснодембского приняли на его последнее место работы в Новоиндийский кабинет ИВ на должность младшего научного сотрудника с ученым званием доцента. Следует отметить, что, перейдя на службу в ИВ, В.Е. Краснодембский не прерывал отношений с коллегами из ИАЭ, сохранив с ними тесные творческие и личные связи. Так, он преподавал индийские языки аспиранту ИАЭ, в будущем известному этнографу, специалисту по кастовой системе Индии М.К. Кудрявцеву (1911–1992), который сохранил о В.Е. Краснодембском самые теплые воспоминания. Именно Михаил Константинович впоследствии способствовал посмертной публикации статьи В.Е. Краснодембского об индуизме в сборнике трудов Государственного музея истории религий (ГМИР)¹⁴.

Центральной темой исследований сотрудников Новоиндийского кабинета стала подготовка словарей по основному новым индийским языкам, что выразилось в составлении картотек словарей, в первую очередь хинди-русского, которым занимался в основном В.М. Бескровный. Свою лепту в эту работу вносил и сам А.П. Баранников, который дополнял картотеку лексикой «Рамаяны»¹⁵. Начав работать в ИВ, Валерий Евгеньевич присоединился к коллегам в этой кропотли-

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед.хр. 336 (Личное дело Краснодембского В.Е.). Л. 24.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ *Краснодембский В.Е.* Индуизм // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 263–281.

¹⁵ Подробнее о работе индийского сектора в ИВ — ЛО ИВ см.: *Зограф Г.А.* Новоиндийская филология // Азиатский Музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 260–269.

вой работе. Помимо картотеки хинди-русского словаря он также занимался составлением картотек маратхско-русского и (совместно с В.М. Бескровным) урду-русского словарей. Работа над урду-русским словарем увенчалась успехом, но книга вышла в свет уже после кончины В.Е. Краснодембского, в 1951 г.¹⁶ Василий Матвеевич Бескровный выплатил гонорар, причитающийся Валерию Евгеньевичу за работу над словарем, его вдове.

Поступив на службу в ИВ АН, В.Е. Краснодембский изменил тему диссертационного исследования. Она стала соответствовать направлению лингвистической работы, которой он теперь занимался в институте. Работу над диссертацией на тему «Флексия и анализ в маратском языке», как и над новым, расширенным маратхско-русским словарем, ему не суждено было закончить.

Между тем семья Краснодембских росла. Братья женились примерно в одно и то же время, около 1938 г. Георгий Евгеньевич познакомился со своей будущей женой, Антониной Максимовной Лазинцевой (1913–2003), когда они вместе работали в Военспецстрое. Валерий Евгеньевич женился на Валерии Евгеньевне Краховецкой (1912–2002), работавшей в профсоюзе Академии наук. Шутники-друзья познакомили их друг с другом из-за одинаковых имен и отчеств и схожести фамилий. У обоих супругов это был второй брак. Первый брак В.Е. Краснодембского с Александрой Иосифовной Карандашевой (около 1935 г.), работником БАН, продлился совсем недолго. По словам родственников Валерия Евгеньевича, они сохранили добрые отношения, Александра Иосифовна поддерживала бывшего мужа, принося ему продукты, когда тот остался один в блокадном городе. Валерия Евгеньевна, человек необычной и тяжелой судьбы, ранее была замужем за инженером-геологом и жила с ним на Дальнем Востоке, имела обширные знакомства в связи с работой мужа, в том числе и среди дипломатов иностранных консульств. В дальнейшем этот факт сыграл роковую роль в судьбе Валерии Евгеньевны и близких ей людей.

После женитьбы Валерий Евгеньевич с женой проживали отдельно от родственников, сначала снимая жилье. Незадолго до войны молодой семье выделили крошечную комнатку в 4 кв. м, чему они были несказанно рады. Георгий Евгеньевич с женой Антониной Максимовной и матерью Еленой Степановной жили теперь уже в двух комнатах все той же квартиры на Б. Разночинной. Семья Краснодембских часто

¹⁶ Бескровный В.М., Краснодембский В.Е. Урду-русский словарь. М., 1951.

собиралась вместе на традиционные воскресные обеды, Валерий Евгеньевич любил навещать семью младшего брата. Жили довольно бедно, как многие в то время, но весело и душа в душу, строя планы на будущее и споря, в чьей семье первым появится наследник. Постепенно жизнь налаживалась. Вскоре в семье Георгия Евгеньевича родилась дочь Нина. Теплые отношения полного взаимопонимания установились у Валерия Евгеньевича с невесткой Антониной Максимовной. Будучи прекрасной рассказчицей и обладая отличной памятью, Антонина Максимовна впоследствии с удовольствием делилась с близкими своими воспоминаниями о девере, не упуская малейших деталей.

Доходы семьи позволили снять на лето дачу в Шапках. Именно там в воскресенье 22 июня 1941 г. Краснодембских застигла весть о начале войны. Георгий Евгеньевич был сразу призван на службу в железнодорожные войска. А семью В.Е. Краснодембского постигло неожиданное горе: в первые дни войны Валерия Евгеньевна была арестована как японская шпионка. Больше супругам не суждено было встретиться. Валерия Евгеньевна в то время ожидала ребенка, и это добавляло главе семьи тревоги о жене, он очень переживал о том, как она перенесет пребывание в тюрьме в своем положении. К несчастью, Валерий Евгеньевич ничего не узнал о судьбе своего первенца.

В.Е. Краснодембский в июле 1941 г. разрывался между работами по рытью окопов, на которых были заняты все ленинградцы, и выстаиванием в бесконечных тюремных очередях в тщетной надежде получить разрешение на краткое свидание с женой или хотя бы передать ей что-нибудь съестное. А между тем положение в городе с продовольствием все ухудшалось. Антонина Максимовна вспоминала, как незадолго до эвакуации деверь умолял ее как можно скорее уезжать из города, спасти дочку, пока не поздно. Сам Валерий Евгеньевич считал себя не вправе уехать, так как в тюрьме оставалась беременная жена, которую нельзя было оставить. 19 июля 1941 г. Антонина Максимовна вместе со свекровью и маленькой дочкой покинула Ленинград, эвакуировавшись в Томск.

Валерий Евгеньевич провел самую тяжелую первую блокадную зиму в Ленинграде. Несомненно, в тяготах блокадного существования его поддерживала теплившаяся надежда на скорую встречу с женой, ведь он по-прежнему обивал пороги тюрем. Как выяснилось позже, Валерию Евгеньевну почти сразу после ареста отправили в лагерь в Минусинском районе Красноярского края. В довольно оптимистичных и бодрых письмах родным, относящимся к этому периоду, Валерий

Евгеньевич пишет, что занят на окопных работах за городом, но надеется вернуться к преподаванию в ЛГУ («вероятно, буду одну неделю преподавать, а другую — копать»), что занимается научной работой дома («почти всю научную работу я делаю дома (в Институте холоднее) поэтому я иногда и не хожу в Инст[итут] вовсе или только захожу ненадолго»), не жалуется ни на голод, ни на холод («я живу, как и все ленинградцы, к счастью, у меня есть дрова и у меня тепло и уютно. Большим достижением является то, что я получил рабочую карточку на продукты <...> для меня это большой праздник»). Даже в это голодное время Валерий Евгеньевич остается верен своим научным интересам, занимается поиском интересных книг и выменивает их на свой мизерный паек. В феврале 1942 г. в его письмах появляются тревожные нотки, но все с тем же поразительным для того страшного времени оптимизмом: «До последнего времени я, слава богу, не болел и держался крепко; сейчас вот в последние дни стала появляться слабость; исхудал очень здорово <...> Но теперь я подправляюсь!!! А в ближайшее время, я уверен, в Ленинграде наступит улучшение. Одним словом, я не падаю духом»¹⁷. Во всех трудностях блокадного существования только мысль о родных и надежда на встречу поддерживают Валерия Евгеньевича: «Так хочется встретиться всем вместе, зажить снова нормальной жизнью. Увижу ли я Леру? <...> Живу только надеждами на лучшее будущее для всех нас (вместе со всей страной) и на свидание со всеми моими дорогими и близкими»¹⁸.

В феврале 1942 г. Валерий Евгеньевич решил эвакуироваться в Саратов вместе со штатными сотрудниками ЛГУ, где он продолжал преподавать. Удивительно, но есть свидетель его отъезда из Ленинграда, который много времени спустя после окончания войны при случайной встрече с племянницей В.Е. Краснодембского Ниной Георгиевной рассказал, какое сильное впечатление произвел на него Валерий Евгеньевич, выделявшийся из толпы изможденных голодом и болезнями ленинградцев горящим взглядом глубоко сидящих черных глаз и каким-то потусторонним видом. Валерий Евгеньевич уже был тяжело, неизлечимо болен тяжелой формой туберкулеза, прогрессировавшего из-за крайней истощенности организма. В дороге ему стало совсем плохо, и в начале марта 1942 г. В.Е. Краснодембского сняли с поезда в Пензе.

¹⁷ Из истории Кунсткамеры, 1941–1945 / Под ред. А.С. Мыльникова. Сост., авт. вступ. ст. В.Н. Вологодина. СПб., 2003. С. 57.

¹⁸ Письма В.Е. Краснодембского предоставлены Ниной Георгиевной и Станиславом Валерьевичем Краснодембскими из личных архивов.

Там ученого положили в местную больницу и лечили от дистрофии, как казалось, довольно успешно. В своем последнем письме брату, датированном 2 мая 1942 г., Валерий Евгеньевич пишет, что понемногу поправляется от сильного истощения, но много писать еще не может. Письмо наполнено повседневными заботами, и ничто в нем не говорит о предчувствии близкой кончины. Но это была лишь краткая ремиссия, которая бывает у неизлечимо больного человека перед неизбежным концом.

В эти последние дни жизни Валерий Евгеньевич не был одинок, его постоянно навещала Галина Салмина, студентка ЛГУ, жившая в Пензе. Она приносила нехитрую домашнюю снедь, которая казалась истощенному больному бесценным даром. Валерий Евгеньевич был безмерно благодарен Г. Салминой за заботу: «...как приятно в чужом городе встретить такого человека; приятно сознавать, что и тебе в определенные дни что-то принесут, а в воскресенье зайдут поболтать». При этом, как оказалось, они не были знакомы до этой встречи. Таково было повсеместное отношение к ленинградцам, поезжа с эвакуированными часто встречали все жители какого-либо города, и каждый был рад поделиться с оголодавшими людьми всем, что у него было. Галина Салмина, узнав от главврача, что некий ленинградец, преподаватель университета, снят с проходившего поезда и находится в местной больнице, стала регулярно навещать его. Именно она сообщила о скоропостижной смерти В.Е. Краснодембского 16 мая 1942 г. его младшему брату Георгию. В письме от 18 мая 1942 г. Г. Салмина пишет: «Окончательно погубил Валерия Евгеньевича, очевидно, плеврит туберкулезного характера. Плеврит начался уже в больнице после простуды. Перед этим же заболеванием Ваш брат начинал оправляться от ленинградских трудностей, от истощения. Уже начинал вставать, ходить. Но в больнице простудили его, начался кашель, очень высокая температура. Затем опять кажущееся выздоровление. И внезапная смерть. Смерть была очень быстрая и легкая...»¹⁹. В следующем письме от 21 мая 1942 г. Г. Салмина пишет о похоронах Валерия Евгеньевича 20 мая 1942 г., а также о том, что «...могилу хорошо заметили, так что в случае, [если] приедет кто-либо из родных, найти можно...»²⁰. Семья Салминых не только похоронила Валерия Евгеньевича, но и трогательно сохранила, а затем передала родственникам кое-что из личных вещей В.Е. Краснодембского, а также вещи его жены, кото-

¹⁹ Из истории Кунсткамеры, 1941–1945. С. 58.

²⁰ Там же. С. 59.

рые он вез с собой в эвакуацию, то ли ввиду того, что они напоминали о любимом человеке, то ли для того, чтобы сберечь эти вещи для нее.

10 января 1942 г. Валерия Евгеньевна Краснодембская родила сына Станислава в лагере под Минусинском. Едва оправившуюся после родов, одетую в летнюю одежду, в которой она была в момент ареста, с грудным сыном на руках, ее определили на вольное поселение в с. Ярцево Красноярского края, направив на лесоповал. По милости судьбы и добрых людей Валерия Евгеньевна не умерла от холода, голода и непосильного труда. Ее устроили на службу в контору, и она смогла выходить сына. В 1946 г. Валерия Евгеньевна с сыном вышли на поселение с запрещением проживать в крупных городах. Только в 1958 г., после реабилитации, Валерия Евгеньевна и Станислав Валерьевич вернулись в Ленинград и воссоединились с семьей.

В.Е. Краснодембский прожил всего 34 года, слишком короткую жизнь для любого человека, а для ученого-востоковеда — в особенности, поскольку знания и мастерство обретаются годами труда. Однако он успел и за короткое время сделать очень много, составив словари двух языков, маратхи и урду, которые только начинали тогда изучать. По свидетельству коллег, хорошо знавших Валерия Евгеньевича, он обладал поистине энциклопедическими знаниями, его научные интересы были разносторонними, и с кончиной Краснодембского индология потеряла ученого, который со временем мог бы стать ее ведущим представителем. Все отмечают поразительную работоспособность Валерия Евгеньевича, его преданность науке. Он постоянно был занят самообразованием и совершенствовался в любимом деле: читал книги по специальности, брал переводы на дом, засиживаясь над ними до поздней ночи. Даже в гостях не сидел без дела — перебирал карточки со словами, заучивая их наизусть.

Тяжелая ответственность — стоять у истоков науки, сознавая, как строго тебя будут судить потомки. Автор этих строк, индолог по образованию, в конечном счете преемник той научной традиции в индологической школе, основы которой заложил в том числе и Валерий Евгеньевич. По нашему мнению, не только научное знание, но и причастность непрерывной научной традиции передает преподаватель ученику.

Наша задача состояла в том, чтобы собрать воедино разрозненные сведения о Валерии Евгеньевиче, которые появлялись в различных небольших публикациях, посвященных памяти погибших в войну сотрудников ЛГУ и МАЭ. Каждому, кто когда-либо бывал в ИВР РАН, бросается в глаза доска с именами сотрудников ИВ АН, погибших в

годы Великой Отечественной войны. Имени В.Е. Краснодембского нет на этой скорбной доске, хотя именно ИВ АН был последним местом его работы. Считается, что человек жив, пока живет память о нем. Валерий Евгеньевич принадлежал трагическому поколению, которое почти все пало жертвой войны. Главная цель данной публикации, равно как и других статей этого сборника, — оживить и укрепить память об ученом-востоковеде, сыне, брате, муже и отце, чья жизнь оборвалась в самом начале пути.

Публикуемая статья создана в период работы Валерия Евгеньевича в Кунсткамере и является результатом его этнографических изысканий.

Е.В. Танонова

Ведда

Ведда — небольшое племя Цейлона, стоящее на пути к вымиранию или ассимиляции, считается одним из самых примитивных племен мира. Ведда ассимилируются с соседними сингальцами²¹ и, частично, с тамилами. Процесс этот начался несколько столетий тому назад, что подтверждается тем, что ведда давно потеряли свой язык и говорят на сингальском в несколько измененной фонетически и грамматически форме. Для ведда, живущих оседлой жизнью (а их большинство), браки с сингальцами являются обыденным явлением, и среди них редко встречаются представители характерного антропологического типа ведда во всей его чистоте. Что еще важнее, ведда, живущие в таких деревнях, утратили почти все прежние характерные черты как хозяйственной жизни, так и социальной структуры. Ведда, ведущих полукочевой образ жизни и сохранивших от прошлого племенные обычаи и физический тип, осталось лишь несколько десятков.

Территория расселения ведда — это восточная часть Цейлона, включающая большую часть Восточной провинции, часть провинций Ува и Центральной. В прошлом, как показывают исторические и археологические данные, эта территория была значительно шире и охватывала целиком провинции Ува, Северную и Центральную. В еще более отдаленные времена весь Цейлон принадлежал ведда, так как сингальцы и тамилы — выходцы [из] материк[овой] Индии. Западной границей является центральный горный массив Цейлона; прилегающие районы довольно гористы, здесь сохранились более примитивные группы племени. Восточной границей является побережье Ин-

²¹ В настоящее время по-русски принят этноним «сингалы».

дийского океана; на побережье особенно чувствуется влияние сингалцев.

Эта территория является самой глухой местностью на Цейлоне, ее не пересекает ни одна железная дорога, через нее проходит не более двух колесных дорог.

Весь район покрыт лесами, но характер лесов и рельеф местности очень разнообразны. Ближе к горам — скалистые холмы, пересеченные лесистыми долинами, изобилующими дичью; в других местах — густые джунгли; далее — леса из высоких деревьев без кустарника и с большими травянистыми полянами; местами (ближе к морю) — леса с заболоченными участками.

Антропологический тип ведда резко отличается от типа соседних с ними сингалцев. Ведда — низкого роста; по данным Саразина²², средний рост мужчин — 155,3 см, женщин — 143,3 см. По форме черепа — длинноголовые; средний головной индекс — 70,5. Нос широкий, но не в такой степени, как у примитивных племен Южной и Центральной Индии. Губы довольно широкие, но не сильно выдаются вперед. Надбровные дуги сильно развиты; глаза сидят глубоко. Волосы волнистые, иногда почти курчавые; ведда их не стригут. Цвет кожи очень разнообразен, наиболее обычный — черно-коричневый; нередко встречаются красноватые, бронзовые оттенки коричневого, а иногда даже желтовато-коричневый.

Многие авторы указывали на сходство ведда с примитивными племенами Южной Индии, так называемыми «до-дравидийцами» (напр[имер], курумба, ирула). Сходство это, действительно, настолько велико, что многих ведда по фотографии можно принять за кого-либо из этих племен.

На этом основании создана теория о принадлежности всех этих племен к веддоидному расовому типу, широко распространенному в очень отдаленную эпоху в большей части Южной Индии; некоторые ученые предполагают, что он распространялся на север до нижнего течения Инда.

На Цейлоне находят большое количество каменных орудий, приписываемых ведда, так как сингалцы и тамилы в эпоху переселения на Цейлон уже не пользовались каменными орудиями. Почти все орудия (наконечники стрел, скребки, топоры и др.) сделаны из кварца; Сара-

²² Пауль Саразин (Paul Benedikt Sarasin, 1856–1929) — немецко-швейцарский ученый-натуралист, организовавший научную экспедицию на Сулавеси. Автор ряда работ, посвященных древней истории Цейлона, его флоре и фауне.

зин относит их к позднему палеолиту, Зелигман²³ — к неолиту. Много орудий находят в пещерах, служивших жилищем ведда, но немало их находят в лесах на поверхности земли или в самом верхнем ее слое, что показывает на их очень небольшую древность.

Первые достоверные исторические сообщения о ведда рисуют их очень примитивным племенем. В книге, изданной в 1681 г.²⁴, говорится, что ведда разделяются на «диких» и более цивилизованных. «Дикие» живут в лесах вдали от всех остальных людей; единственным их занятием является охота, собирание меда и съедобных растений; они не имеют никакого земледелия. Они обменивают вяленое мясо оленя, мед и воск на наконечники стрел, топоры, ткани и посуду, но даже для этого обмена, если возможно, не вступают в сношения с иноплеменниками. Кнох²⁵ рассказывает, что ведда заказывали кузнецу наконечники для стрел следующим образом: они вешали ночью в его мастерской мясо и оставляли листья, вырезанные в форме нужных наконечников; кузнец, выполнив заказ, оставлял наконечники там же.

По описанию этого же автора, бывшего лично в лесах ведда, ведда не имели хижин; они жили в пещерах или спали под деревьями; для того чтобы услышать приближение диких зверей, они раскладывали вокруг дерева сухие ветви.

В настоящее время почти не осталось ведда, не занимающихся земледелием. Зелигман пишет, что он видел четыре таких семьи и слышал еще о двух, все они живут в районах, богатых дичью; в таких районах до середины [XIX] века совершенно не было земледелия [Seligmann, 1911, с. 7].

²³ Зелигман (Seligmann Charles Gabriel, 1873–1940) — английский этнолог и антрополог, занимавшийся изучением примитивных племен Папуа–Новой Гвинеи.

²⁴ Кнох Robert. An Historical Relation of the Island Ceylon in the East Indies. L., 1681. — Примеч. В.Е. Краснодембского.

²⁵ Роберт Нокс (1641–1720) — английский моряк, работавший на Ост-Индскую компанию. Во время экспедиции в Персию в 1658 г. его корабль попал в шторм, и его отнесло к о-ву Цейлон, где команда во главе с капитаном попала в плен к королю Канди Раджасимхе II. После 19 лет плена Ноксу с одним из матросов удалось бежать и сесть на английский корабль, доставивший их в Лондон в 1680 г. Во время этого путешествия Нокс работал над рукописью указанной книги, которая была издана на следующий год и приобрела широкую известность, повлияв на творчество Д. Дефо. Принято считать, что Нокс был одним из прототипов его героя Робинзона Крузо. Данный труд Р. Нокса был переведен на русский язык д.и.н. Н.Г. Краснодембской, см.: Нокс Роберт. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век. СПб., 2008.

Продуктов земледелия никогда не хватает на прокормление, и все «лесные» ведда половину года ведут более или менее бродячий образ жизни, занимаясь охотой и собирательством.

Главной дичью являются олень и обезьяна, мясо которой ведда особенно любят. Затем идут дикий кабан, медведь, заяц и мелкие животные, включая крысу; птица, в частности, павлин, наконец, немалое значение имеет крупная ящерица.

В настоящее время ведда чаще пользуются на охоте ружьем, чем луком и стрелами. Собственное ружье имеют немногие ведда; нередко берут напрокат ружье у деревенского торговца, отдавая ему часть дичи. Ружья распространились только в последние десятилетия, лук и стрелы играли недавно преобладающую роль. И сейчас каждый ведда умеет сделать лук, прикрепить к стреле наконечник и оперить ее. Лук и стрела делаются из дерева; тетива из древесного луба. Длина лука от 150 до 175 см (редко больше), т.е. обычно выше роста самих ведда, длина стрел от 75 до 100 см. Лук делают тугим, чтобы пускать стрелу с достаточной силой; вернувшись с охоты, отпускают один конец тетивы и хранят лук ненапрянутым; натягивают тетиву, упираясь в середину лука ногой [порой сгибая ее в колене].

Ведда плохо стреляют из лука на большие расстояния, но это нисколько не порочит их как охотников, они больше надеются на свое замечательное умение подкрадываться к дичи на близкое расстояние.

Ведда хорошо знают лес, его условия, привычки животных, они опытейшие следопыты. Знакомство с характером животных можно иллюстрировать тем, что для обнаружения обезьян, скрывающихся в ветвях деревьев, ведда ударяют по стволам деревьев обухом топора, что заставляет испуганных обезьян вскрикнуть.

Ведда пользуются иногда на охоте метательным копьем. Устройство ловушек известно очень немногим; по-видимому, оно заимствовано. Каждый мужчина всегда имеет при себе небольшой топорик, носимый обычно на плече; это его основное орудие, нужное и на охоте, и в земледелии, и при постройке дома. Столь же универсальным орудием является стрела, наконечник которой остро отточен и является единственным режущим орудием, заменяющим во всех случаях нож, которого ведда не имеют.

Ведда держат собак, помогающих на охоте и, в частности, приучаемых ловить ящериц, собаки помогают вспугивать дичь и выгонять ее на охотника, стерегущего тропинку или поляну.

Ведда неразборчивы в отношении животной пищи, но имеют некоторые запреты: мясо дикобраза, буйвола, курицы считается для них

запретным; однако не запрещено убивать дикобраза, и ведда разрешают своим собакам есть его [Spittel, 1927, с. 133].

В рыбной ловле ведда не пользуются ни сетями, ни другими приспособлениями, а отравляют воду плодами или корой некоторых растений.

Очень большое значение, может быть, не меньшее, чем охота, имеет собирание меда диких пчел; для ведда мед — не лакомство, а важный продукт питания. Нередко, найдя в лесу соты, утоляют ими голод, съедая их целиком с воском и с личинками; в разгаре сезона мед в течение некоторого времени является основным питанием.

На Цейлоне водится несколько видов пчел: есть лесные, устраивающие свои улья одни в дуплах деревьев, другие на ветвях; важнейшей из всех пород является крупная пчела, называемая бамбара, устраивающая свои улья на склонах высоких отвесных скал.

Ведда чрезвычайно ловко отыскивает улья лесных пчел, как бы хорошо они ни были спрятаны; он находит их на слух по гудению или следит за какой-либо пчелой, не теряя ее из вида, не смешивая ее с другими и следуя за ней, пока она не приведет его к своему улью. После этого он ловко взбирается на дерево и снимает улей, расширяя дупло топором, не обращая внимания на укусы пчел; длинные волосы защищают от укусов глаза и лицо. Если на дерево трудно взобраться, то он немедленно его срубает.

Значительно труднее [поиски] уль[ев] горных пчел; здесь сложность заключается не в том, чтобы обнаружить улей, а в том, чтобы до него добраться и защититься от тяжелых укусов этих пчел.

В отличие от лесных пчел, одинаково собирающих мед в течение всего года, эти пчелы собирают мед преимущественно в июне и июле, и на эти месяцы ведда переселяются в пещеры, собираясь по две-три семьи для совместной добычи меда.

Для большей безопасности сбор меда производят темной ночью. Днем производят необходимые приготовления: делают легкую висячую лестницу из камыша, перевитую лианами (если скала невысока — делают приставную лестницу), заготавливают несколько факелов, сплетенных из зеленых ветвей и набитых листьями и травой для получения дыма, делают особое орудие, представляющее собой длинную палку с заостренным концом для срезания сотов и с другим концом, расщепленным на четыре части для того, чтобы достать отрезанные куски.

С наступлением темноты зажигают большой костер у подножия скалы, в него подбрасывают зеленые листья, чтобы выкурить пчел из улья. Охотник начинает спускаться по висячей лестнице, прикреплен-

ной к дереву или камню и охраняемой его ближайшим родственником. Перед этим все остальные члены этих семей, включая и женщин, начинают петь специальные песни и заклинания демонам скалы, чтобы с охотником не случилось несчастья; он также поет, и эти песни продолжают все время²⁶. Охотник подносит к улью факел из листьев, чтобы изгнать оставшихся пчел, и затем подвешивает его на руку на веревке, чтобы отогнать пчел от себя. Затем острой палкой или стрелой он отрезает куски сотов, достает их и складывает в специальный сосуд из кожи оленя (глиняный мог бы разбиться о скалы). Вся эта тяжелая и опасная работа под силу только самым сильным и отважным.

Из растительных продуктов леса ведда употребляют в пищу все, что хоть сколько-нибудь пригодно для питания: плоды, ягоды, цветы, съедобные корни, некоторые травы и листья; кора некоторых деревьев употребляется для жевания. В одном поселении, расположенном на берегу озера, наибольшее значение имеют семена лотоса.

Земледелие, заимствованное у сингальцев, находится на примитивнейшей стадии подсечной системы. Ведда не знают ни рабочего скота, ни земледельческих орудий, кроме мотыги, ни искусственного орошения, применяемого их соседями. В лесу выбирают подходящее место, срубают деревья и недели через две сжигают все ветви, кусты и хворост. Из древесных стволов строят крепкую ограду для защиты от диких животных; стараются сделать ее достаточно крепкой для защиты от слонов и в то же время достаточно частой, чтобы не пропускать мелких животных. Сеют в начале сентября, а некоторые культуры — в ноябре. Урожай снимают с февраля по апрель; такие культуры, как маниок, требуют для созревания около года. После сбора урожая участок забрасывают и переходят на новый; к старому участку возвращаются лет через десять; это время он находится под паром. Эта система земледелия и расчищенный участок называются «чена».

Главнейшими земледельческими культурами являются просо, маис, бобовые, маниок, тыква.

Только в тех деревнях, где ведда смешались с сингальцами, они применяют искусственное орошение, удобрение, некоторые земледельческие орудия и несколько более культурные методы земледелия.

В таких же деревнях ведда разводят много скота. Первым шагом к скотоводству является условие с сингальцами, по которому ведда ухаживают за их скотом и в виде вознаграждения получают одного теленка из пяти.

²⁶ Наличие специальных песен и заклинаний еще раз подчеркивает большое значение собирания меда в экономике ведда. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

Выше упоминалось, что почти все ведда часть года живут в пещерах, которые являются собственностью определенных семей или групп семей. Остальное время года ведда живут в очень примитивных хижинах. Стены делаются плетеными из ветвей, крыша поддерживается по углам четырьмя шестами и кроется травой или пальмовыми листьями. Хижина очень невелика, и обычно в ней спят только старики и дети, а остальные — снаружи возле хижины. В оседлых деревнях встречаются глинобитные хижины.

Единственной мебелью служат циновки. Утварь — корзины, мешки, из древесной коры и кожаные, тыквы, чашки и ложки из скорлупы кокосового ореха, глиняные горшки.

Большую часть глиняной посуды ведда получают в обмен, но они научились изготавливать ее сами у сингальцев. Горшки делаются не на колесе и обжигаются просто на костре, где их обкладывают ветвями со всех сторон. Дно у этих горшков круглое. Специализации в занятии гончарством нет, в каждой семье делают посуду для себя; занимаются этим и мужчины, и женщины.

Все металлические предметы получают в обмен, так же как и ткань для одежды, бетель, табак; если есть возможность, ведда выменивают еще для себя коксовые орехи и рис. В обмен на них ведда дают мед и воск, сушеное мясо, шкуры. Этот обмен приводит к тому, что ведда, отдавая излишки продуктов после удачной добычи на такие предметы, как бетель и табак, не делают запасов и часто принуждены вести полуголодное существование, что является причиной их вымирания. Сушеное мясо ведда сохраняют в течение длительного времени в меду; делают это следующим образом: в выдолбленный ствол дерева наливают немного меду, опускают куски оленины, снова заливают медом и так далее, отверстие замазывают глиной; мясо, погруженное мед, совершенно не боится порчи. Иногда вместо выдолбленного ствола используют углубление в скале, которое сверху заваливают большим камнем.

Время, когда ведда одевались в специальным образом приготовленную древесную кору, относится к далекому прошлому; в настоящее время из этой коры делают только мешки. Мужчины носят обычно небольшой кусок материи вокруг бедер; женщины носят одежду сингальского или тамильского образца, это или саронг — вид несшитой юбки, оставляющей верхнюю часть тела открытой, — или род сари²⁷.

²⁷ Женская одежда в Индии, состоящая из длинного куска материи, обматывается вокруг тела. — *Примеч. В.Е. Краснодембского.*

В деревнях многие мужчины носят сингальскую одежду, т.е. тот же саронг.

Огонь добывают при помощи огнива и кремня, употребляя в качестве горючего кусочек древесного хлопка или бумажной материи. Старый способ добывания огня трением в некоторых местах уже забыт, но в других добывают огонь этим способом очень легко и быстро. Берут две сухие палки определенного дерева, в одной делают углубление и кладут ее на землю, поддерживая концы ногами; конец другой палки оттачивают и, вставив в углубление, быстро вращают между ладонями, [при]давливая ее книзу, вскоре показывается дым, а минуты через две — искра, падающая на кусочек материи. Если из кучки коричневого порошка, полученного от трения, выходит густой дым, порошок заворачивают в тряпочку в виде папиросы и раздувают, пока она не загорится. Для вращения палочки иногда употребляют веревку.

У ведда не имеется никаких следов общеплеменной организации, общего управления. Племя определяется общим названием, общим наречием²⁸, общим происхождением, общими обычаями, религиозными воззрениями, одинаковым уровнем развития производительных сил и, наконец, общей территорией. Племенная эндогамия строго не соблюдается, но очень часто ведда старается скрыть, что кто-нибудь из его родственников женат на сингалке или тамилке; это можно принять за существование эндогамии в идеале или за более строгое соблюдение ее в прошлом.

Следующей социальной группой у ведда является род, называемый *waguge*²⁹. Род также не имеет в настоящее время четкой организации и родового управления; он является экзогамной группой, носящей общее название и имеющей предание об общем происхождении. Сохранились следы распределения территории между родами; в каждой местности встречаются поселения, состоящие от двух до четырех разных родов, что объясняется экзогамией, но те роды, которые встречаются в западной части территории ведда, не встречаются на востоке у побережья.

В настоящее время у ведда имеются следующие *waguge* (роды):

1. *Morane waguge*,
2. *Unapane waguge*,

²⁸ Ведда говорят на сингальском языке, с некоторыми фонетическими особенностями, отличающими их наречие от языка современных сингалцев. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

²⁹ Как мне представляется, слово *waguge* является формой санскритского слова *varga* — «группа, класс, племя, род, семья»; слово это перешло в язык ведда из сингальского. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

3. Namadewa или Nabudan waruge,
4. Aembala waruge,
5. Uru waruge,
6. Tala waruge,
7. Rugam или Bandara waruge,
8. Dehigama waruge и
9. Bendiya (Bendia) waruge.

Три последних [сравнительно] недавнего происхождения; они выделились из более старых и получили местные наименования. Так, Rugam waruge, самый многочисленный из трех новых родов, является, по-видимому, ответвлением Morane waruge.

Более древние роды носят названия растений или животных, и признаков тотемизма, связанных с ними, не отмечено.

Значения родовых названий следующие:

Morane — дерево «тога»,

Unapane — «бамбуковая вода»,

Namadewa — «дерево namada»,

Aembala — «красные муравьи/aembaleo»,

Uru — «дикий кабан».

Некоторые виды сохраняют обычай вступать в брак только с членами одного предельного рода и избегать другие роды. Такими парными родами являются Morane и Unapane, Namadewa и Uru. Взаимоотношения между первыми и вторыми двумя характеризуются тем, что первые два относятся к бракам с членами двух вторых с большим предубеждением, чем к бракам с членами остальных родов. Они объясняют это тем, что роды Uru и Namadewa ниже их по своему положению; Morane утверждают, что Uru были их слугами.

Принадлежность к тому или иному роду считается по матери.

Первичной социально-хозяйственной ячейкой у ведда является семейная община, представляющая собой группу ближайших родственников; обычно это — объединение нескольких семей, редко больше пяти. Эта община сообща владеет охотничьим участком, а также пещерами, в которых она собирается в определенные времена года (сезон сбора меда), однако в остальное время каждая семья живет отдельно, что значительно удобнее при охотничьем образе жизни.

Община имеет главу — патриарха. С ним живут его замужние дочери с детьми, а иногда братья со своими семьями.

Община ведет совместное хозяйство и так же распределяет продукты, независимо от того, кто их добывает.

Зелигман приводит два конкретных примера таких общин: одна, небольшая, состояла всего из восьми человек: старика с женой, двух его дочерей, двух сыновей его сестры (его будущие зятя) и двух внуков (дети его покойной дочери); другая община состояла из 19 человек, объединяющих семьи трех братьев (один — троюродный) с замужними дочерьми и внуками двух старших [Seligmann, 1911, с. 63].

Как видно из этих примеров, брак у ведда матрилокален. Некоторые нормы, регулирующие брак, можно будет нагляднее представить после изложения системы родства племени ведда.

Mutta, отец, дед.

Atta, мать, бабка.

Putā или tuta, сын, сын сестры (для женщ[ины]), сын брата (для мужч[ины]).

Duwa или tuti, дочь, дочь сестры (для женщ[ины]), дочь брата (для мужч[ины]).

Munubura, внук.

Miniberi, внучка.

Aiya, старший брат, сын сестры матери, сын брата отца³⁰.

Maleya, младший брат, сын сестры матери, сын брата отца³¹.

Akka, старшая сестра, дочь сестры матери, дочь брата отца.

Naga, младшая сестра, дочь сестры матери, дочь брата отца.

Maма, брат матери, муж сестры отца.

Nendamma, сестра отца, жена брата матери.

Lokuарру, брат отца (старший), муж сестры матери.

Kuduарру, брат отца (младший), муж сестры матери.

Lokuamma, сестра матери (старшая), жена брата отца.

Kuduamma, сестра матери (младшая), жена брата отца.

Hura, сын сестры отца, сын брата матери.

Naena, дочь сестры отца, дочь брата матери.

Ваена, сын сестры (для мужч[ины]), сын брата (для женщ[ины]).

Yeli, дочь сестры (для мужч[ины]), дочь брата (для женщ[ины]) [Seligmann, 1911, с. 64].

Мы видим, что система родства является типично классификаторской (возьмите, например, термины putā и duwa и др.). Сами термины, в большинстве случаев заимствованы из сингальского языка. Термин

³⁰ Подразумеваются все те, кто старше говорящего [-информатора]. — Примеч. В.Е. Краснодембского.

³¹ Здесь имеются в виду все те родственники, кто младше говорящего [-информатора]. — Примеч. В.Е. Краснодембского.

тата распространен у большинства племен и народов Индии в этом самом значении.

Перекрестно-кузенный брак, т.е. брак между детьми брата и сестры, является важнейшей брачной нормой у ведда, наложившей свой отпечаток на их систему родства. Прежде всего, мы имеем разные термины для детей сестер матери и детей братьев отца, с одной стороны, и детей сестер отца и детей братьев матери — с другой. Первые рассматриваются как родные братья или сестры и носят название старших или младших братьев и сестер (в зависимости от соотношения возраста); браки между ними запрещены. Вторые называются особыми терминами; они принадлежат к равным родам. И в настоящее время подавляющее большинство браков заключается между детьми брата и сестры.

Нередко юноша поселяется в доме брата своей матери, своего будущего тестя, еще до женитьбы на его дочери. Такой дядя-тесть для мужчины ближе, чем отец (отец ближе к мальчику только в детстве); недаром у ведда существует поговорка: «мать и ее брат — одно» (*amma tama ekei*) [Seligmann, 1911, с. 66]. Принадлежность детей к роду матери и матриликальный брак позволяют назвать род у ведда материнским. Вдова, как правило, выходит замуж за брата мужа.

После смерти главы семьи семейная собственность равномерно распределяется между его детьми, как сыновьями, так и дочерьми. Личная собственность женщины переходит к дочерям, личная собственность мужчины — к его сыновьям и зятям. Личную собственность мужчины составляют, кроме одежды, следующие предметы: собаки, лук и стрелы, топор, огниво и кремь, мешочек для бетеля, тыква для воды.

Ведда хоронят умерших, зарывая их в землю где-нибудь в лесу, они не имеют специального кладбища. Согласно указаниям более старых источников, ведда оставляли покойника там, где произошла смерть; если это случалось в пещере, то покойника засыпали листьями, и пещера оставалась необитаемой в течение нескольких лет.

Религиозные воззрения ведда несложны и примитивны; основу их составляет почитание духов умерших родственников. Духи умерших населяют, подобно живущим, леса, горы и долины; они расположены благосклонно к своим родичам. Эти духи называются *Naе yaку*. Духи давно умерших постепенно забываются, их заменяют духи недавно умерших. Среди них наибольшим уважением пользуются духи людей выдающихся, пользовавшихся влиянием при жизни. Эти духи известны небольшому кругу одной или нескольких родственных семей, и память о них живет недолго.

Наряду с почитанием умерших родственников, ведда сохраняют память о жившем много поколений тому назад замечательном охотнике Kande, который после смерти стал Kande yaqa (yaqa — дух) и является наиболее почитаемым духом, содействующим в охоте и никогда не причиняющим зла людям. В честь Kande yaqa устраиваются специальные жертвоприношения, сопровождаемые заклинаниями и плясками шамана. Каждый раз, когда устраиваются жертвоприношения предкам и вызываются их духи, прежде всего приносят жертву (вареный рис и молоко кокосового ореха) Kande yaqa и его брату Bilindi yaqa.

Религиозные обряды совершаются жрецом, владеющим всеми необходимыми познаниями, в частности, знающим заклинания. Как мы увидим ниже, жрец является типичным шаманом.

В честь предков устраивают пляски, в которых ведущую роль исполняет жрец; он доводит себя до исступления и, показывая, что в него вселился дух Kande или дух умершего, предсказывает от их лица, в каком направлении нужно отправляться на охоту и кто из присутствующих будет иметь в ней успех. Во время жертвоприношений и плясок в честь недавно умершего одержимыми его духом являются сыновья или братья. Перед тем как дух покидает одержимого, последний на несколько минут лишается сознания.

Ведда верят также в существование духов, обитающих на вершинах гор, на скалах, в реках и лесах, но они не поклоняются им. Только во время собирания меда горных пчел, что является опасным, но экономически важным делом, приносят жертву духу скалы; но эта жертва сопровождается лишь несложным заклинанием.

За последние десятилетия ведда заимствуют у сингальцев веру в различных духов, а также некоторые магические приемы. По мнению Зелигмана, у ведда совершенно отсутствовали магические представления [Seligmann, 1911, с. 190].

Список литературы

- Seligmann C.G. und B.Z.* The Veddas. Cambr., 1911.
Spittel R.L. Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddas. Colombo, 1927.
Sarasin F. und U.F. Die Weddas von Ceylon und die sie umgebenden Völkerschaften [S.l.], 1893.

Summary

V.Y. Krasnodembsky

The Veddas

Preface and publication by Y.V. Tanonova

Valery Yevgenievitch Krasnodembsky (1907–1942) was a talented indologist, the first specialist in the Marathi language in the Soviet Union. Having survived the first Blockade winter of 1941–1942, he unfortunately got an incurable disease and died on his way to evacuation in the spring of 1942. The article “The Veddas” by Valery Y. Krasnodembsky is dedicated to the Veddas, an autochthonous tribe of Ceylon island. It was the first description of the Vedda tribe in the Russian language. This work was conceived by V.Y. Krasnodembsky in the mid-thirties of the last century as a part of the two-volume edition of *Ethnographical Studies of the Peoples of Foreign Countries*, but has never been published. Bearing handwritten marks of the author, its typescript is kept in the Archives of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 92. Inv. 1, unit 4).

Key words: V.Y. Krasnodembsky, Marathi language studies in Russia, the first Marathi-Russian dictionary, Ceylon.